

очною решения. Мое слово остается в продолжающемся диалоге, где оно будет услышано, отвечено и переосмыслено.

В мире Достоевского, строго говоря, нет смертей как объектно-органического факта, в котором ответственно активное сознание человека не участвует, — в мире Достоевского есть только убийства, самоубийства и безумия, то есть только смерти-поступки, ответственно сознательные. Особое место занимают смерти-уходы праведников (Макар, Зосима, его брат-юноша, таинственный посетитель). За смерть сознания (органическая смерть, то есть смерть тела, Достоевского не интересует) человек отвечает сам (или другой человек — убийца, в том числе казнящий). Органически умирают лишь объектные персонажи, в большом диалоге не участвующие (служащие лишь материалом или парадигмой для диалога). Смерти как органического процесса, совершающегося с человеком без участия его ответственного сознания, Достоевский не знает. Личность не умирает. Смерть есть уход. Человек *сам* уходит. Только такая смерть-уход может стать предметом (фактом) существенного художественного видения в мире Достоевского. Человек ушел, сказав свое слово, но самое слово остается в незавершимом диалоге.

К Аскольдову: личность не объект, а другой субъект. Изображение личности требует прежде всего радикального изменения позиции изображающего автора — *обращенности к ты*. Не подметить новые объектные черты, а изменить самый художественный подход к изображаемому человеку, изменить систему координат. <...>

Интервью Збигневу Подгужецу. О полифоничности романов Достоевского

— *Какова, на Ваш взгляд, основная мысль творчества Достоевского?*

— Истина, по Достоевскому, в области последних мировых вопросов, не может быть раскрыта в пределах одного индивидуального сознания. Она не вмещается в одном сознании. Она раскрывается, притом всегда лишь частично, в процессе диалогического общения многих равноправных сознаний. Этот диалог по последним вопросам не может быть ни кончен, ни завершен, пока существует мыслящее и ищущее истину человечество. Конец диалога был бы равносильен гибели человечества. Если все вопросы будут разрешены, то у человечества не будет стимула для дальнейшего существования. Как я уже сказал, конец диалога был бы равносильен гибели человечества — эта мысль

в зачаточной форме была выражена еще в философии Сократа. Но наиболее глубокое и полное воплощение, воплощение художественное, она получила в романах Достоевского.

Достоевский, по моему мнению, — создатель полифонического многоголосого романа, организованного как напряженный и страстный диалог по последним вопросам. Автор не завершает этого диалога, не дает своего авторского решения; он раскрывает человеческую мысль в ее противоречивом и незавершенном становлении.

Достоевский не признавал никакого завершения. Если некоторые его романы (например, «Преступление и наказание») как будто бы завершены, то это попросту формальное литературное завершение. А вот «Братья Карамазовы» не завершены никак, все здесь остается открытым, все проблемы остаются проблемами, и никакого намека на определенное решение нет. Личные взгляды Достоевского (они у него, конечно, были, он вкладывал их в свои публицистические произведения, журнальные статьи, письма, выступления), ограниченные своей эпохой, своими групповыми интересами, своим направлением, входят частично в его романы. Но, конечно, мы отыскиваем соответствующие места в романах, которые как бы повторяют, но повторяют от лица героев, некоторые мысли, высказывания Достоевского (например, в «Дневнике писателя»). Но в них эти взгляды вовсе не приобретают характер прямого авторского высказывания, они введены в диалог на равных основаниях со всеми другими прямо противоположными взглядами. Следовательно, в своих романах он поднимается над этими ограниченными, узкочеловеческими, узкоконфессиональными, православными взглядами. И это, собственно, я считаю у Достоевского основным. Говорить о том, что можно выделить какую-то одну особую ведущую мысль, нельзя. Все дело именно в их множестве, воплощенном в разных личностях. Все дело именно в этом диалоге, притом диалоге заведомо незавершенном. Достоевский неоднократно в своих романах показывает, что, в сущности говоря, завершение диалога, завершение спора возможно только путем внесения какой-то внешней грубой материальной силы. А по существу, именно такая диалогическая мысль и вообще смысл незавершимы.

— *Что Вы думаете о критических работах, посвященных творчеству Достоевского?*

— В большинстве случаев литературоведы, такие знатоки Достоевского, как Мережковский, Шестов, Розанов, старались использовать его для своих целей, для пропаганды своих взглядов. Они пытались навязать Достоевскому единую систему мыслей, тогда как Достоевский как раз не признавал никакой системы. Он считал, что всякая система искусственна и насильственна. И прежде всего это насилие над челове-

ческим умом и сердцем. Мысль человека не систематична, а диалогична. То есть она требует ответа, возражений, требует согласия и несогласия. Только в атмосфере этой свободной борьбы человеческая и художественная мысль может развиваться. Это как-то игнорировали представители дореволюционного литературоведения. Да и в наше время, конечно, многие пытаются навязать Достоевскому, как художнику, определенное мировоззрение, какую-то определенную систему взглядов. И таких литературоведов довольно много. Разумеется, это не лишает их работ ценности, так как Достоевский настолько сложен и многогранен, что к нему можно подходить с тысячи сторон и все равно невозможно его охватить. Именно потому, что он диалогичен, именно потому, что он полифоничен — его нельзя исчерпать.

И Достоевский как бы завещал нам продолжать те споры, которые он вел, которые ведут его герои. Они будут продолжаться вечно, мы сейчас об этом спорим, и этим мы продолжаем Достоевского. Поэтому все эти монологические высказывания, которые приписывают Достоевскому, тоже полезны и нужны и с какой-то стороны раскрывают Достоевского. Именно поэтому я ценю работы тех советских литературоведов, которые и не стоят на точке зрения полифонического понимания романов Достоевского, хотя такое понимание уже начало складываться в нашу эпоху. Покойный Гроссман показал, что Достоевский — это мировой спор по мировым вопросам, и спор нескончаемый. Я очень ценю наблюдения и замечания покойного Б. М. Энгельгардта. Наконец, в работе Шкловского «За и против» показано, что у Достоевского всегда имеется «за» и «против».

Я считаю очень ценными работы покойного Долинина, Фридендера, Кирпотина, Бурсова, Евнина. Все эти работы рассматривают разные грани Достоевского, но я вообще не считаю, что в области литературоведения возможен какой-то один подход. Литература настолько сложна, что иной раз даже в глупых высказываниях что-то все-таки подмечают в литературе. Безусловно, это ни в коей мере не касается названных мною ученых. Их произведения очень ценны и очень значительны. Особенно я ценю работу Фридендера, его теоретическую книгу о реализме Достоевского.

— *Вы являетесь автором книги, которая считается самой фундаментальной работой в области изучения творчества Достоевского. Она только что появилась в польском переводе. Не напомните ли Вы ее главную мысль?*

— Полифоничность Достоевского. Его нельзя толковать монологически, как остальных романистов, таких, как Толстой, Тургенев и т. д. Кроме того, я пытаюсь в своей книге включить Достоевского в исторический процесс развития литературы. Я считаю, что таких писателей,

как Достоевский и Толстой, никак нельзя уложить в рамки одной эпохи, их эпохи. Даже в более широко понятых рамках всего XIX века, даже в рамках Нового времени. Они как-то вбирают в себя все, что сделало человечество на протяжении всех веков своего исторического существования. И вот я как раз в своей работе пытаюсь раскрыть основные корни Достоевского. Начиная с древнегреческих произведений, я веду особую линию диалогического романа до Достоевского. И считаю, что он завершает эту огромную линию мирового развития литературы. В своей книге я пытаюсь включить Достоевского в мировую литературу во всем ее существующем объеме. Конечно, судить о достоинствах своей работы я сам не могу. Во всяком случае, эта книга написана мною очень давно. Еще многое в ней нуждается в дополнениях, в продолжении. Вот сейчас отчасти я и занят этим.

— *Достоевский как создатель полифонического романа оказал огромное влияние на последующих писателей. Кто из писателей после Достоевского продолжал эту линию диалогического романа? И можно ли вообще перечеркнуть все, что было создано до Достоевского, и считать, что после него невозможно открыть в литературе что-либо новое?*

— В настоящее время Достоевский — это вершина, достигнутая в области диалогического понимания человеческой мысли, человеческих исканий. Конечно, этим ни в коем случае не обесцениваются все предшествующие звенья. Сократ останется Сократом. Вообще у меня есть термин — большое время. Так вот, в большом времени ничто и никогда не утрачивает своего значения.

В большом времени остаются на равных правах и Гомер, и Эсхил, и Софокл, и Сократ, и все античные писатели-мыслители. В этом большом времени и Достоевский. И в этом смысле я считаю, что ничто не умирает, но все обновляется. С каждым новым шагом вперед прежние шаги приобретают новый дополнительный смысл. Но мы все время обновляем и продолжаем то, что было сделано до нас великими писателями и мыслителями. Достоевский — создатель полифонического романа, и мне кажется, что полифоническому роману принадлежит будущее. Но это не значит, что это будущее зачеркнет, отменит или ослабит прошлое. Например, роман Достоевского, как форма, более продуктивен в будущем, чем роман Толстого. Но от этого Толстой не ущемляется, не становится меньше. Напротив, монологический роман типа Толстого, Тургенева и других останется, и более того, будет развиваться на фоне нового полифонического романа, приобретет новый смысл. На этом романе мы будем отдыхать, потому что на романах Достоевского, как и на романах полифонического типа, которые создаются теперь во Франции под влиянием Достоевского, — не отдохнешь

никак. Сейчас в таких странах, как Франция, имеют место попытки создания нового романа, идущего по пути Достоевского. Прежде всего это Камю. Его роман «Чума», его философское эссе «Миф о Сизифе» построены прямо на Достоевском. Много от Достоевского и у Сартра, хотя Камю, на мой взгляд, глубже. Есть такая прямая зависимость от Достоевского и у Кафки. Казалось бы, больше всего Достоевский должен был влиять на писателей России. Я могу указать только «Петербург» Андрея Белого. Это произведение — один из лучших романов XX века, — в котором есть многоголосость Достоевского. Ранние произведения Леонова — также от Достоевского, но они не так уж интересны. Все эти писатели, конечно, не достигли силы и глубины Достоевского, но внесли что-то свое. Говорить о том, что все уже завершено и нельзя перешагнуть того, что сделал в литературе Достоевский, просто невозможно. Я считаю вообще, что любое завершение, даже если это завершение великой работы, всегда пахнет немного смертью. И в этом смысле ни о каком завершении не может быть речи. Перешагнуть Достоевского можно, но нельзя его заменить.

— *А какую книгу о Достоевском Вы считаете лучшей?*

— Книги авторов, которых я перечислил выше, — все хороши, и каждая по-своему. И выделить лучшую книгу трудно, да просто и невозможно.

— *Какие ошибки в подходе к исследованию творчества писателя бывают наиболее частыми?*

— Вообще ошибок не бывает. Ошибки бывают только у школьников, их исправляют и подчеркивают красным карандашом. Я против того, когда говорят, что ученый совершил ошибку. Какая ошибка? Это неправильное слово, и оно снижает ученого до уровня школьника. Ведь у нас находят ошибки и у Достоевского, и у Толстого. Это не ошибки. Есть положения, которые представляются нам более важными и менее важными, с которыми мы согласны или не согласны. Но то, с чем мы не согласны, вовсе не значит, что это ошибка. Я подхожу к этому вопросу тоже полифонически. То, что я считаю неправильным, — скорее всего, недостаток. Это ограничение Достоевского. Одни толкуют его в духе идей, взглядов таких героев, как Раскольников, Иван Карамазов. Другие стараются все объединить в таком образе, как Соня или старец Зосима. Это неверно. Достоевского надо брать во всем его противоречивом единстве.

— *Какие обстоятельства в творчестве Достоевского еще не затронуты?*

— Прежде всего, биография. Все-таки пока биографии Достоевского у нас нет. Еще даже не нащупан биографический метод: как писать биографию и что в нее включать. У нас биография — это какая-то мешанина

творчества с жизнью. Достоевский в творчестве, как всякий писатель, — это один человек, а в жизни — другой. И как эти два человека (творец и человек жизни) совмещаются, для нас еще не ясно. Но расчленять их как-то нужно, иначе ведь можно дойти до чего угодно. Ведь вот, дескать, Раскольников совершил убийство старухи — значит, и автор, хотя бы в воображении, совершил его. Чепуха получается. Может, Достоевский и воображал себя убийцей, иначе он не написал бы романа, но ведь это же не есть реальный поступок, за который он несет юридическую и моральную ответственность. Художник может вообразить себя совершающим любое преступление, любой грех, и он профессионально обязан это сделать, если хочет полностью охватить жизнь, во всех ее моментах. Но это же нельзя считать, хотя бы в ослабленной форме, свершением этого поступка в жизни. Этическая и художественная ответственность — это разные вещи, их нельзя мешать. Мне кажется, что Бурсов в своей работе не всегда проводит здесь достаточно четкой границы, хотя это несколько не обесценивает его замечательной книги. Книга, безусловно, очень ценная, читается с огромным интересом, кроме того, имеет и пропагандистское значение. Жизнь и творчество объединяются тем, что мы называем глубиной человеческой личности. Каждый человек един, хотя и не вмещает всего. В творчестве этот человек, если хотите, разрушает свое единство, он умеет перевоплощаться в других людей. Разделять и смешивать жизнь и творчество нельзя, но необходимо их различать, проводить границу между ними.

— *Какими вообще качествами должен обладать исследователь жизни и творчества Достоевского?*

— Прежде всего, этот человек не должен быть догматиком. Догматик, в какой бы области он ни был, религиозной, политической или другой — он всегда перетолкует Достоевского по-своему, оценит его в духе своего догмата. Как известно, мы сейчас боремся с догматизмом. И, конечно, вот такой адогматизм совершенно необходим для правильного, глубокого понимания и изучения Достоевского. Никак нельзя Достоевского сделать модным, интересным в более плоском, вульгарном смысле этого слова. Это также часто мешает. Я считаю, что такой серьезный исследователь Достоевского, как покойный Л. Шестов, как раз и хотел сделать его каким-то модным философом, каким Достоевский никогда не был. Это противоречит серьезности. Такое стремление к дешевой интересности и остроте — это качество, которое мешает в изучении Достоевского.

— *Считаете ли Вы Достоевского философом?*

— Я считаю Достоевского одним из величайших мыслителей. Но я строго различаю: мыслитель и философ. Философ — это ученый, это специальность, и философия — это строгая наука. В этом смысле

Достоевский не был философом и даже относился к такой философии скептически, отрицательно.

— *Как Вы считаете, увеличивается ли интерес к творчеству Достоевского в последние годы у нас и на Западе?*

— У нас, в Советском Союзе, безусловно, имеет место нарастание интереса к Достоевскому и нарастание его понимания. То же самое, по-видимому, имеет место и во Франции. Там огромный интерес к Достоевскому. Одновременно два издательства выпускают мою книгу о Достоевском на французском языке. Произведения Достоевского там расходятся очень хорошо. В Англии и Америке, хотя, может быть, я и ошибаюсь, интерес к Достоевскому идет на убыль. В Германии интерес к Достоевскому не убывает, может, даже и возрастает. Нужно сказать, что глубокой книги в области исследования Достоевского пока, как мне кажется, не было, хотя в последние годы вышло огромное количество трудов о Достоевском.

Я считаю, что у Достоевского будущее впереди. По-настоящему он еще не вошел в жизнь людей. Пока все пытаются втиснуть его в рамки монологического романа, ищут единое мировоззрение и т. п. Не в этом сила Достоевского. Он первый понял людей нового времени, понял, что в одну голову нельзя вместить истину, что истина раскрывается только в незавершимом диалоге, что человек и человечество внутренне бесконечны.

— *Следует ли переносить произведения Достоевского на экран или сцену?*

— Следует это делать с точки зрения пропаганды. Все-таки в широких массах его мало знают. Пусть иной фильм только сюжетный, но все же кто-то обратит на Достоевского внимание и, может быть, прочтет его. Но передать Достоевского в театре и в кино исключительно трудно. А полифонию как таковую, в сущности, передать нельзя. Поэтому сцена и экран дает только один мир и с одной точки зрения. А у Достоевского много миров с разных точек зрения. Например, во Франции пытались создавать драмы, которые не были бы ограничены одним местом и одним временем, но не путем чередования, а как одновременное сосуществование разных миров, сцен. Пока еще дальше таких чисто формальных исканий дело не пошло. В этом отношении Достоевский — самый трудный и почти даже непередаваемый на сцене и на экране. Но ставить фильмы и спектакли по его произведениям нужно. Может быть, один из тысячи захочет его прочитать после просмотра фильма или спектакля. А прочитав этот роман, он будет читать и другие его произведения. Я это оцениваю узко практически — надо кого-то разбудить, заставить взглянуть на Достоевского более внимательно.

— А как Вы оцениваете то, что сделано по Достоевскому на сцене и экране?

— В том, что я видел раньше, также характерно отсутствие полифонической стороны произведений Достоевского. В Художественном театре даже Качалов, в постановке «Братьев Карамазовых», снизил и вульгаризовал Ивана. Знаменитая сцена — беседа с чортом — у публики, не знающей Достоевского, вызывала смех. Эта постановка также была приведена к одному знаменателю, к монологическому произведению. Вообще драма, к сожалению, всегда монологизует. Многоголосости, равноправия разных голосов и их миров в театре никогда не получается.

— Недавно в Советском Союзе вышел том «Преступления и наказания» с иллюстрациями Эрнста Неизвестного. Как Вы оцениваете эти иллюстрации?

— Иллюстрации Э. Неизвестного произвели на меня огромное впечатление. Я впервые в иллюстрациях почувствовал подлинного Достоевского. Ему удалось передать универсализм образов Достоевского. Это не иллюстрации, это — эманация духа писателя. Затем, Неизвестному удалось передать незавершенность и незавершенность человека вообще и в частности героев Достоевского. Ему удалось передать своеобразную иерархию Достоевского, когда отдельные моменты приобретают решающее значение. В то время как Достоевского иллюстрируют так, как если бы это были драматические или бытовые события. В лучших иллюстрациях, какие я знаю, удалось только показать Петербург Достоевского. Это еще по плечу тем художественным методам, которыми работают иллюстраторы. А в иллюстрациях Э. Неизвестного я впервые увидел универсального человека. Они интересны и с чисто художественной точки зрения. Это совсем не иллюстрации. Это продолжение мира и образов Достоевского в другой сфере, сфере графики.

